

Д. Фонвизин

**Сочинения Д. И.
Фонвизина**

Второе издание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д11

Д11 **Д. Фонвизин**
Сочинения Д. И. Фонвизина: Второе издание / Д. Фонвизин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 402 с.

ISBN 978-5-458-16388-0

Полное собрание оригинальных произведений с кратким биографическим очерком и портретом автора, гравированным на стали Ф. А. Брокгаузом в Лейпциге.

ISBN 978-5-458-16388-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

створеніе Іоанна Грознаго, во время войны его съ Ливонією. Пѣтленный вмѣстѣ съ нимъ сынъ его, Денисъ, оказалъ уже Московскому государству услуги. Во время осады Москвы Владиславомъ, опъ «помня Бога и Пречистую Богородицу», «противъ нѣмецкихъ людей и черкасъ стоялъ крѣпко и мужественно, и на боѣхъ и на приступѣхъ бился и ши на какія королевичевы прелести не прельстися». Въ царствованіе Алексѣя Михайловича внукъ рыцаря Петръ принялъ греко-россійское исповѣданіе, названъ Аванасіемъ, и пожалованъ въ стольники.

Отець Фонвизина, Иванъ Андреевичъ, служившій сначала въ военной службѣ, а потомъ (съ 1762 года) въ ревизіонъ-коллегіи въ Москвѣ, равно какъ и мать его были уже совершенно русскіе люди. Въ «Чистосердечномъ признаніи» есть прекрасныя страницы, посвященныя имъ, особенно отцу, характеръ котораго являетъ черты рѣдкой твердости и душевной силы. Денисъ Ивановичъ родился, когда отецъ его былъ еще въ военной службѣ, гдѣ и когда—въ точности неизвѣстно; болѣе достовѣрнымъ годомъ рожденія его можно признать 1744-й. Тогдашнее воспитаніе, по выраженію князя Вяземскаго, «при недостаткахъ своихъ, имѣло и свойственныя ему выгоды: ребенокъ оставался долѣе на русскихъ рукахъ, долѣе окруженъ былъ русскою атмосферою, въ которой знакомился ранѣе и болѣе съ языкомъ и обычаями русскими». Къ тому же и средства не позволяли родителямъ Фонвизина нанимать иностранцевъ. Словомъ, Денисъ Ивановичъ выросъ совершенно русскимъ человѣкомъ, въ которомъ европейское просвѣщеніе обогатило умъ, но не искоренило первоначальныхъ «отечественныхъ» впечатлѣній, говоря словами князя Вяземскаго. Изъ «Чист. призн.», вообще довольно скупого на слова, мы узнаемъ, что въ дѣтствѣ онъ отличался сильной чувствительностью. Безграмотнымъ себя онъ не помнилъ. Въ 1755 году, по проекту Шувалова, въ Москвѣ учрежденъ былъ университетъ и при немъ двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разношщцевъ, и одиннадцатилѣтній Фонвизинъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ тотчасъ-же поступилъ въ дворянскую гимназію. Учили тамъ въ тѣ времена довольно плохо, тѣмъ не менѣе Фонвизинъ съ благодарностью вспоминаетъ о ней, научась въ ней языкамъ латинскому, «положившему основаніе нѣкоторымъ его знаніямъ», и нѣмецкому. Въ 1758 году, директоръ Московскаго университета Мелленино, отправляясь въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ просвѣщеннымъ кураторомъ университета, Шуваловымъ, взялъ съ собою для представленія ему десять лучшихъ гимназистовъ. Среди этихъ десяти, вмѣстѣ съ Гр. Потемкинымъ, позже знаменитымъ княземъ Таврическимъ, были и братья Фонвизины. По свидѣтельству самого Дениса Ива-

повича, поѣздка эта получила въ его жизни важное значеніе. Въ Петербургѣ, у Шувалова, онъ увидѣлъ Ломоносова, оставившаго въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, затѣмъ блескъ императорскаго двора, наконецъ театръ. Последній такъ поразилъ его, что, по его собственному разсказу, «комедію, видѣнную имъ, довольно глупую, считалъ онъ произведеніемъ величайшаго разума. а актеровъ великими людьми». А такъ какъ первые актеры, основатель русскаго театра Волковъ и Дмитревскій, бывали въ домѣ дяди Фонвизина, то онъ, къ своему великому удовольствію, познакомился и съ ними. Для его послѣдующей литературной дѣятельности эти обстоятельства были не безъ важнаго значенія. Здѣсь же въ Петербургѣ онъ понялъ необходимость знать французскій языкъ, которымъ съ тѣхъ поръ и сталъ старательно заниматься. Воротившись въ Москву, въ апрѣль 1759 года, въ день коронаціи императрицы Елисаветы Петровны, Фонвизинъ вмѣстѣ со своими товарищами былъ «произведенъ въ студенты», и сталъ слушать лекціи по философскому факультету. Молодой студентъ выдѣлялся изъ среды товарищей способностью переводить съ иностранныхъ языковъ, и по одобрителному отзыву одного изъ профессоровъ получилъ предложеніе отъ университетскаго книгопродавца перевести басни Гольберга; въ 1761 году и появился въ печати первый литературный трудъ его. Послѣ Гольберговыхъ басенъ студентъ Фонвизинъ принялся, уже по собственному выбору, переводить (съ нѣмецкаго перевода, а не съ французскаго подлинника) правоучительный романъ аббата Терассона «Геройская добродѣтель, или жизнь Сива, царя Египетскаго». Слѣдовали и другіе переводы, и между ними стихотворный переводъ уже съ французскаго трагедіи Вольтера «Альзира». Последний былъ не изъ удачныхъ, — стихи вообще не легко давались Фонвизину, — однако надѣлалъ «довольно шуму».

Фонвизинъ кончилъ университетъ въ годъ воцѣлствія на престолѣ Екатерины Великой. По обычаю того времени, онъ уже съ дѣтства былъ записанъ въ Семеновскій полкъ, гдѣ и числился сержантомъ. Военная служба была не по душѣ ему, и тутъ-то ему пригодилась его извѣстность въ качествѣ хорошаго переводчика. Въ Москву пріѣхалъ дворъ, и въ свитѣ его былъ вице-канцлеръ князь Голицынъ, искавшій себѣ чиновника, знающаго новыя иностранныя языки и умѣющаго переводить съ нихъ. Ему указали на Фонвизина, который и былъ припѣтъ въ иностранную коллегію переводчикомъ. Способности молодого чиновника изъ университетскихъ студентовъ скоро обратили на себя вниманіе самого канцлера, графа М. И. Воронцова, который сталъ до- вѣрять ему переводы важнѣйшихъ дѣшевъ, и настолько отличалъ

его, что выбрать его для передачи герцогинѣ Шверинской ордена св. Екатерины. Молодой чиновникъ отлично исполнилъ и это порученіе, заслуживъ благосклонность и герцогини, и публики, и русскаго тамошняго посланника. Въ октябрѣ 1763 года, членясь въ иностранной коллегіи, Фонвизинъ, новый переводъ котораго, «Любовь Кариты и Полидора» Бартеlemi, только что вышелъ, прикомандированъ былъ въ качествѣ секретаря къ кабинетъ-министру Н. П. Елагину, при которомъ и состоялъ до 1766 года. Изъ «Чистосерд. признанія» и изъ писемъ къ роднымъ мы узнаемъ, что новая служба имѣла и хорошія, и неприятныя для него стороны: съ одной стороны, посвященный начальникъ и самъ литераторъ Елагинъ очень дорожилъ имъ, былъ къ нему добръ и ласковъ, а съ другой—настолько же былъ расположенъ къ другому своему секретарю, тоже литератору, Лукину, показывавшему Фонвизину явное нерасположеніе и постоянно стремившемуся вредить ему. При томъ Елагинъ нимало не заботился о служебной карьерѣ своего новаго подчиненнаго. Въ 1764 году Фонвизинъ уѣхалъ въ Москву, въ отпускъ. Время этого отпуска и продолжительной отерочки получили рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу его. Тутъ онъ перевелъ громкую тогда поэму Битобе «Юсеифъ», напечаталъ еще одинъ переводъ, а главное окончилъ своего знаменитаго «Бригадира». По возвращеніи въ Петербургъ, ему случилось какъ-то прочесть свою комедію въ отсутствіи Библикова и гр. Орлова,—и скоро объ ней заговорила вся столица. Орловъ сказалъ о пей императрицѣ, которая пожелала сама слышать новую русскую комедію и поручила ему пригласить автора къ себѣ. 29 іюня, послѣ бала въ Петергофѣ, Фонвизинъ прочиталъ «Бригадира» государынѣ въ Эрмитажѣ, а читалъ онъ превосходно. Пожелалъ слышать новую комедію и наследникъ престола, и затѣмъ всѣ вельможи непрерывно желали видѣть автора и слышать пьесу. По этому же случаю онъ приобрѣлъ знакомство съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и воспитателемъ наследника престола, Никитою Ивановичемъ Панинымъ, позже его начальникомъ и постояннымъ покровителемъ.

Въ то время въ Петербургѣ славился домъ Мятлевой, просвѣщенной женщины, у которой по вечерамъ собирались выдающіеся литераторы, Херашковъ, Майковъ, Богдановичъ, актеръ Волковъ и пр. Молодой Фонвизинъ сдѣлался членомъ кружка и былъ въ немъ «какъ коршунъ». «Пылкость ума его, необузданное, острое выраженіе всегда всѣхъ раздражало и бѣсило; но со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его». Потому литературныя связи его расширились; не меньшими друзьями его сдѣлались Державинъ,

Домашневъ, президентъ Академіи Наукъ, Козодовлевъ, бывшій позже министромъ, актеръ Дмитревскій. Это были цвѣтъ просвѣщенія въ тѣ времена. Мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, литераторы сообщали другъ другу свои новыя произведенія и выслушивали стрѣлки строгой критики. Фонвизинъ, слушая какъ-то «Рослава» Княжнина, спрашиваетъ автора: «Когда же вырастетъ твой герой? онъ все твердитъ: Я Россъ, я Россъ! пора бы ему и перестать расти». И Княжнинъ ему отвѣчаетъ: «мой Рославъ совершенно вырастетъ, когда твоего Бригадира произведутъ въ генералы!» Другой разъ, при чтеніи сатиры на Фонвизина, въ которой онъ названъ *кумомъ Музъ*, онъ отражаетъ стрѣлу въ самого насмѣшника замѣчаніемъ: «можетъ быть; только навѣрное покумился я съ шимъ не на крестинахъ автора». Эти любопытные случаи не лишены характерности.

Въ 1769 году Фонвизинъ перешелъ на службу опять въ иностранную коллегію къ гр. Н. И. Панину. Роль его на этой службѣ остается недостаточно опредѣленною; но что она была довольно значительна, показывать его переписка съ русскими дипломатическими чинами при разныхъ европейскихъ дворахъ, обращавшимися къ нему съ просьбами и по личнымъ, и по служебнымъ дѣламъ. Изъ переписки же его видно, что черезъ руки его проходятъ всѣ важнѣйшія бумаги министерства, и онъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ принимаетъ даже непосредственное участіе. Служба у Панина доставила Фонвизину и обеспеченное состояніе. Получивъ въ награду отъ императрицы 9,000 душъ крестьянъ, министръ оставилъ себѣ только 5,000, а остальныя раздѣлилъ между своими секретарями, при чемъ на долю Фонвизина досталось 1,180 душъ. Около того же времени женитьба на одной довольно состоятельной вдовѣ упрочила его матеріальное положеніе. Въ 1777—1778 годахъ болѣзнь жены вынудила Фонвизина ѣхать за границу. Путешествіе это, какъ и два послѣдующихъ, памятыя письмами Фонвизина, въ которыхъ отражается его чисто русскій умъ. Его не приводитъ въ восхищеніе жизнь Европы, онъ относится къ ней во многихъ отношеніяхъ прямо отрицательно, хотя, конечно, онъ прекрасно понимаетъ значеніе просвѣщенія.

Въ 1782 году появилась на сценѣ новая комедія Фонвизина, «Недоросль». Она имѣла огромный успѣхъ. Публика «аплодировала эту пьесу метаніемъ кошельковъ съ деньгами» на сцену. Говорятъ, что Потемкинъ сказалъ Фонвизину при этомъ случаѣ: «Умри, Денгисъ, или больше ничего не пиши». Послѣдующія его произведенія, какъ напр., «Выборъ губернера» и др., дѣйствительно, далеко уступаютъ «Недорослю», который далъ Фонвизину славу и вѣчное значеніе въ русской литературѣ.

Смерть Пашина въ 1783 году страшно поразила Фонвизина, не оставивше безъ вліянія вообще на его положеніе. Съ нею, кажется, прекратилась и служба его. Съ разстроеннымъ здоровьемъ уѣхалъ онъ опять, въ 1785 г., за границу. Лѣченье однако не помогло, и въ томъ же году жестокой параличъ лишилъ его свободнаго употребленія языка и лѣвой руки и ноги. Въ слѣдующіе два года онъ снова ѣздилъ лѣчиться, былъ въ Вѣнѣ, Карлсбадѣ, но отъ недуга не оправился. Вернувшись въ Россію, онъ въ 1788 году тѣмъ не менѣе собирался издавать журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ», но разрѣшенія на то не получилъ, и заготовленныя имъ статьи для журнала появились въ печати уже послѣ его смерти, долго спустя. Сильно страдавъ, прожилъ Фонвизинъ еще около четырехъ лѣтъ, и скончался 1-го декабря 1792 года. Въ запискахъ П. И. Дмитріева есть любопытныя страницы, рисующія Фонвизина въ послѣдній день его жизни. «Черезъ Державина», говорится въ нихъ: «я сошелся съ Денпсомъ Ивановичемъ Фонтъ-Визинимъ. По возвращеніи его изъ бѣлорусскаго его помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакомить его со мною. Я не знавалъ его въ лицо, какъ и онъ меня. Назначенъ былъ день свиданья. Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонтъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и тщету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Школовскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревѣла; обѣ поражены были параличомъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался: онъ приступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я «*Недоросля*»? читалъ ли «*Посланіе къ Шумилову*», «*Лису-кознопѣйку*», переводъ его «*Похвальнаго слова Марку Аврелію*»? и такъ далѣе; какъ я нахожу ихъ? — Казалось, что онъ такими вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю объ «*Дуришникѣ*»? «*Она изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи*», отвѣчалъ я. «*Прелестна!*» подтверждалъ онъ съ выразительною улыбкою. Потомъ Фонтъ-Визинъ сказалъ хозяйну, что онъ привезъ ему свою комедію: «*Госфмейстеръ*». Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новостъ. Онъ подавъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія авторъ

глазами, киваніемъ головы. движеніемъ здоровой руки подкрѣплять силу тѣхъ выраженій, которыя ему самому нравились. Ирривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Несмотря на трудности разсказа, онъ заставлялъ насъ не однажды смѣяться. Во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного русскаго литератора, городского почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. «Которую же изъ одъ его вы признаете лучшею?» «Ни одной не случилось читать», отвѣтствовалъ ему почтмейстеръ. За то, продолжалъ Фонъ-Визинъ, доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра до вечера, онъ вокругъ меня роились и жужижали. Однажды докладываютъ мнѣ: *пріѣхалъ трагикъ*. Принять его, сказалъ я, и черезъ минуту входитъ авторъ съ пучкомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его *въ новомъ вкусь*. Нечего дѣлать, прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ самая необыкновенная; у всѣхъ трагедій оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня, или главное лицо, умретъ естественною смертію. И въ самомъ дѣлѣ, заключилъ Фонъ-Визинъ, героиня его отъ акта до акта чахла, чахла, и наконецъ издохла.—Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ».

Вдова Фонвизина, пережившая его четыремя годами, осталась въ положеніи довольно бѣдственномъ. Заграничныя путешествія съ огромными расходами на лѣченіе поглотили все состояніе Фонвизина.

І. КОМЕДИИ.

БРИГАДИРЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Бригадиръ.
Иванушка, сыщъ его.
Бригадирша.
Совѣтникъ.

Совѣтница, жена его.
Софья, дочь совѣтничья.
Добролюбовъ, любовникъ Софьи.
Слуга совѣтничій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ І.

Театръ представляетъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сыщъ его, въ дезабилье, кобеляся, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница, въ дезабилье и корнетѣ, и, жеманяся, чай разливасть. Бригадирша сидитъ [одадь] и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одадь и шьетъ на тамбурѣ.

Совѣтникъ (*смотря въ календарь*). Такъ, ежели Богъ благословитъ, то 26-го числа быть свадьбѣ.

Сынъ. Гелà!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, прозякая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ бригадиру отъ арміи, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фasonsы не нужны: мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоній.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (*указывая на Совѣтника*) хочеть онъ съ Божиимъ благословеніемъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу. [А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?]

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я до-вольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака*). Мамъ! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядового.

Бригадиръ. Жена! не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка. Не грѣши ради Бога, не грѣши Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегии президентомъ. Вотъ какъ премудра Акулина Тимоеевна.

Бригадиръ. Премудра! вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, говоришь такъ изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походить. Иное дѣло твоя Авдотья Потаньева. О! я сказать могу ей въ глаза и за глаза, что ума у ней цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые кушилъ кровію своею, лишь бы только имѣть разумъ ея [высокородія].

Сынъ. Дѣ! сколько прекрасныхъ комплиментовъ: [батюшка! тесть! матушка! теща!] И сколько умовъ! голова головы лучше.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? что читать?

Бригадиръ. Читать? артикуль и уставъ военный; не худо прочесть также молодому человѣку инструкцію межевую.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьей, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки. Лучше плуты люди тебя не обмануть. Ты тамъ не дашь уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любовныхъ романовъ! Илья, душа моя, всё другое на свѣтѣ. Не повѣришь, какъ

такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дуροю.

Сынъ. Мадамъ, вы говорите правду. О! вы зате резонъ. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья (*въ сторону*). Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Мадемоазель, что вы говорить позволте?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Же вы при, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставьте ее, зятюшка. Она, не знаю о чемъ-то, съ ума сходитъ.

Бригадиръ. О! это пройдетъ. У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуми здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье, продли Богъ долгіе твои вѣки; а я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣтъ будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (*вздыхаетъ*). Для чего моеи падчерпцѣ и не быть вашею снохою? Мы всѣ дворяне: мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и свать, точно тѣ въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и подучше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, маяжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? опомнись. Полно скляжничать: я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шлетить станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и святѣйшаго Синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе: Богъ сочтаетъ, человекъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ. Нѣтъ, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши, всё въ руцѣ Создателя: у Него всё власы главы нашей изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатіи Андреевичъ! ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? самъ Господь волоски наши считать изволить, а мы, рабы Его, и деньги считать лѣнимся,—деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Браки: я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти-классныхъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ [Ему]?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У Него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! я тебѣ говорю: не вступайся, или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, Который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? стыдное дѣло.

Совѣтница. Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискурпировать? Выбрали такую сурьезную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, чѣмъ бы...

Совѣтникъ. Чѣмъ бы, но крайней мѣрѣ, хотя служило къ должности судьи, ищца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая не можно сослаться ни на указы, ни на уложеніе.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (*Къ Совѣтнику*) Переимѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, чѣмъ у васъ идетъ людямъ: застольное, или деньгами? свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленный?

Сынъ. Съ плюзъ-эньтерессантъ.

Совѣтница. Шутнишь, радость. Я почему знаю, чѣмъ ѣсть вся эта скотина?

Совѣтникъ (*къ женѣ*). Не стыди меня, матушка, Акулина Тимоосевна! люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайтесь на жену мою: ей до того дѣла нѣтъ, хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.